

Сумерки французского колониализма

РАЙМОН БАРБЕ

Перед второй мировой войной и особенно после нее процесс общего кризиса капитализма все усиливался. Поле колониальной деятельности сократилось. Волей-неволей империалистам пришлось приспособляться к новым условиям. Французский империализм слабее британского, он менее динамичен. Богатства французских колоний эксплуатировались примитивнее и, если так можно выразиться, более паразитически. Кроме того, Франция привыкла быть полной хозяйкой покоренной страны. Британские империалисты всегда старались сохранить видимость самостоятельности своих колоний. Поэтому французским империалистам оказалось труднее, чем британским, приспособиться после второй мировой войны к новой обстановке.

Мы хотим рассмотреть особенности французской колониальной политики и те изменения, которые она претерпела за последние годы.

ХИЩНИЧЕСКАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ

На богатства своих колоний французские империалисты обратили пристальные взоры в период общего кризиса капитализма, когда их политические и социальные затруднения увеличились. Главной заботой стало сохранить господствующее положение в экономике колониальных стран, получить наибольшие выгоды при наименьших затратах. О развитии самостоятельной экономики этих стран не могло быть и речи.

Экспорт капитала во французские колонии (по нынешнему курсу) шел следующим образом:

Годы	Государственные займы и капиталовложения (млрд. франков)	Капиталовложения монополий (млрд. франков)
1931—1939	60	16
1946—1949	75	16
1950—1955	180	8

Сокращенный перевод статьи из французского журнала «Кайе дю коммунизм».

Из таблицы видно, что, в то время как государственные займы и капиталовложения растут, частные капиталовложения сокращаются. Однако норма прибыли частных компаний все увеличивается. Государственные инвестиции делаются в интересах частных компаний. Например, французское правительство вложило более шести миллиардов франков, не считая сумм, ассигнованных по «плану Маршалла», в строительство грузового порта Конакри. Выгоды от этого получила франко-британская горнорудная компания, вывозящая в Англию и Западную Германию железную руду из Калума. А 16 миллиардов, которые французское правительство потратило на сооружение гидроэлектростанции Эдеа в Камеруне, дали возможность компании «Алюкам» («Алюминий Камеруна») пользоваться баснословно дешевой электроэнергией — 0,7 франка за киловатт-час.

Рос торговый оборот Франции и колоний. Если в 1913 году экспорт в колонии составлял 14 процентов объема всего экспорта Франции, то в 1955 году он составлял уже 32 процента, а объем импорта увеличился соответственно с 10 до 25 процентов. В стоимостном выражении рост торгового оборота еще более значителен. Цифры говорят о результатах сознательно проводимой экономической политики, цель которой добиться, чтобы продукты колонии вывозились только во Францию и только французские товары ввозились в колонию. Таким образом французские империалисты стремились прочно связать колонии с метрополией. Для продукции крупных предприятий, находящихся в колониях, на рынках метрополии созданы благоприятные условия, она продается по повышенным ценам. Подсчитано, что европейцы — владельцы виноградников Северной Африки — в 1954 году получили благодаря протекционистской политике французского правительства более 20 миллиардов франков дополнительной прибыли, сахарозаводчики Антильских островов и острова Реюньон — девять миллиардов и т. п.

Эта политика империалистических правительств дает также возможность продавать в колониях по монопольным повышенным ценам изделия метрополии и покупать местное сырье ниже его стоимости.

Большие выгоды приносит французским морским

компаниям монополия на перевозку колониальных товаров. В среднем они получают более 10 миллиардов дополнительной прибыли в год.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ГРАБЕЖ

В большинстве французских колоний колонизаторы захватили лучшие земли. Эти земли обрабатываются или безземельными местными жителями, вынужденными продавать свой труд, чтобы добыть средства существования, или крестьянами, которых насильственно сгоняют на принудительные работы.

С 1913 по 1955 год, например, владения колонизаторов в Северной Африке почти удвоились. Плантаторы, не считаясь с нуждами сельского хозяйства страны, внедряли экспортные культуры: разводили виноградники (производство вин в колониях увеличилось в четыре раза), расширяли плантации цитрусовых (производство цитрусовых увеличилось в 50 раз) и пробкового дуба, выращивали ранние овощи и т. п.

В Индокитае перед второй мировой войной площадь каучуковых плантаций возросла в десять раз. В старых колониях (Антильские острова и Реюньон) производство сахара возросло в четыре раза. Лесозаготовительные компании расширили свою деятельность. С 1913 по 1955 год в пять раз увеличился вывоз леса из Черной Африки. Плантации какао, кофе, хлопка насаждались насильственно, вытесняя необходимые местному населению культуры. Сельское хозяйство велось хищническим образом. В Сенегале, например, почвы истощались, резко уменьшилась площадь лесов на Мадагаскаре и Береге Слоновой Кости.

В ряде стран, в частности Сенегале и Береге Слоновой Кости, насильственно навязанные экспортные культуры стали основой экономики. Поэтому экономика этих стран полностью зависит от колебания цен на мировом рынке и лишена устойчивости.

Крестьяне составляют 70—80 процентов населения колоний. Колониализм разрушил привычный уклад их жизни. В тех колониях, где их лишили земли, им пришлось стать наемными сельскохозяйственными рабочими, в тех колониях, где земля у них осталась, их заставили возделывать экспортные культуры. Но и в тех и других — они главные жертвы тяжелого налогового пресса. Они острее других слоев населения испытывают тяжесть индигената (правового положения местных жителей), лишившего их элементарных человеческих прав.

Тяжелое экономическое и правовое положение крестьян, низкий уровень сельского хозяйства тормозили процесс расслоения крестьянства и образования его зажиточной верхушки. В различных странах и районах доходы крестьян оцениваются, включая продукцию натурального хозяйства, в 10—20 тысяч старых франков на душу. Но в действительности они очень часто бывают еще ниже, причем в последние пятьдесят лет положение крестьян все ухудшается. Это побудило их к антиколониальной борьбе, и сейчас крестьянство является основной опорой национально-освободительного движения.

УРОДЛИВОЕ РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

По сравнению с началом XX века горнорудная промышленность значительно выросла. Особенно она развивалась в последние годы, годы «холодной

войны», когда усилилась добыча стратегического сырья. Но горнорудная промышленность ни в одной из колониальных стран не стала базой для развития местной промышленности. Руда вывозится из них в сыром виде или в лучшем случае — подвергнувшись первичной обработке. Полезные ископаемые составляют 60 процентов объема всего экспорта колониальных стран и лишь 10 процентов его стоимости. Это настоящий грабег богатств колониальных стран.

Французские монополии препятствовали созданию в колониях предприятий, могущих с ними конкурировать. Более того, они уничтожили те предприятия, которые возникли там в период второй мировой войны, когда связи метрополии и колоний были нарушены. В колониях Франции нет не только тяжелой промышленности, но и перерабатывающая промышленность крайне ограничена в своих возможностях. А те небольшие предприятия перерабатывающей промышленности, которые существуют, находятся в руках французских монополий или местных колонизаторов.

Империалисты других стран, как правило, монополизировали внешнюю торговлю своих колоний. Внутреннюю торговлю они предоставляют местной буржуазии. Французские же империалисты контролируют и внутреннюю торговлю.

Обезземеливание крестьян и разорение ремесленников создали огромную армию людей, вынужденных продавать свой труд.

Рост рабочего класса в колониях искусственно задерживался из-за того, что французский империализм не давал развивать местную промышленность.

Численно промышленный пролетариат колоний очень невелик. Люди, живущие на зарплату (рабочие, служащие и государственные чиновники) вместе со своими семьями составляют лишь 5—15 процентов населения колоний. Рабочие в своем большинстве не имеют никакой квалификации. Они очень низко оплачиваются и испытывают на себе все тяготы расовой дискриминации.

Но несмотря на малочисленность, рабочий класс колоний — значительная сила в социальной и политической жизни своих стран. Он с честью выполняет роль авангарда трудящихся.

Так как все предприятия принадлежат иностранному капиталу, борьба рабочего класса французских колоний за свои права сливается с борьбой против колониализма. Роль рабочего класса от этого еще более возрастает. А антиколониальное движение становится более последовательным. Большую поддержку и помощь ему оказывает французский и мировой пролетариат.

Экономическая политика французских империалистов в колониях задержала формирование национальной буржуазии. Поэтому молодая буржуазия колоний очень чувствительна к экономическому и политическому гнету, которому подвергается ее страна.

Безусловно, у национальной буржуазии колониальных стран в некоторые периоды может проявиться более или менее ярко выраженное стремление к компромиссам с империалистами: французскими или иными, например американскими. Но внутреннее положение в колониях, размах национально-освободительного движения и международная обстановка, в частности укрепление социалистического лагеря, создают предпосылки для того, чтобы национальная буржуазия занимала более последовательные позиции в антиимпериалистической борьбе.

В отличие от британских империалистов, предпочитавших метод косвенного управления, французские империалисты стремились к непосредственному господству в стране. Каждая колониальная страна оказывалась опутанной сетями французской колониальной администрации. Местные правители, будь то султан Марокко или вожди африканских племен, не имели ни малейшей реальной власти. Подобная централизация управления колоний свидетельствовала об относительной слабости французских империалистов по сравнению с империалистами других стран, она предопределила их изоляцию перед лицом национально-освободительного движения.

Французские империалисты подчинили своей администрации племенные и феодальные объединения. Они тщательно контролировали деятельность и урезывали власть стоящих во главе этих объединений владык. Поэтому во французских колониях в отличие от других колониальных стран часть феодалов перешла на сторону национально-освободительного движения. Красноречив пример султана Марокко и некоторых феодалов Алжира.

Официальная пропаганда трубит о социальном прогрессе, якобы достигнутом в колониях. Но на деле он находится на том же уровне, что и экономика. Альбер Сарро еще в 1923 году так определил цель социальных преобразований в колониях: «сохранять и увеличивать человеческий капитал для потребностей финансового капитала»¹.

Достаточно одного примера: в Алжире, где более ста лет проводится политика ассимиляции, в 1954 году только семь процентов мусульман читали по-французски. Среднее, высшее и техническое образование охватывает в процентном отношении в 100 раз меньше, чем французам, число алжирцев. Огромные области в Алжире с населением в 80—100 тысяч человек, по данным 1956 года, не имели ни одного врача.

Приведенный обзор показывает, что паразитизм французского империализма, его стремление к хищнической эксплуатации привели к полной его изоляции в колониях.

Во французских владениях все классы и слои общества чувствовали на себе отчетливее, чем в колониях других стран, всю тяжесть колониального гнета. Они пришли к выводу, что пора положить этому конец.

В целом национально-освободительное движение во французских колониях вследствие особенностей французской колониальной политики стало более сплоченным, более застрахованным от беспринципных компромиссов и хитроумных сделок. Народы французских колоний решительно не желают довольствоваться полумерами и теми уступками, которые им предлагают колонизаторы.

Вот в общих чертах обстановка, в которой французские империалисты вынуждены решать проблемы, возникшие перед ними в связи с распадом мировой системы колониализма.

(Продолжение следует)

¹ Albert Sarraux. La mise en valeur des colonies française, 1923.

Этот репортаж из Сайгона дает представление о городе, который пропагандисты, находящиеся на службе американских империалистов, называют «городом света».

Учитывая репрессии, которым в Южном Вьетнаме подвергаются все люди, говорящие правду о стране, автор этих строк решил воздержаться от опубликования своего имени.

Как и все вновь прибывшие в Сайгон, я считал в первое время, что Сайгон — красивый, хороший город, настоящая «столица, купающаяся среди моря огней», как кричат радио и пресса Южного Вьетнама. Прибывшего в Сайгон провинциала не могут не ослепить огни, которые гаснут и вновь зажигаются над входом в дансинг, в рестораны, на рынки. Сайгон не только ослепляет, он вызывает головокружение, он оглушает американским джазом, гудками машин и разными другими шумами.

Но мне было достаточно пожить несколько дней в Сайгоне, чтобы стать свидетелем того, как насаждается в Южном Вьетнаме «американский образ жизни».

* * *

Рабочий день только что закончился. Машины заполнили улицы, набережную Бак Данг. Вдруг с берега раздался возглас: «Самоубийство! Кто-то утопился!» В одну секунду собрались сотни людей. Все старались увидеть, как полицейские спасают утопленника. Это была женщина. Слышались предположения: «Наверно, она потеряла работу», «Может, проигралась в карты?», «Еще одна ревнивица! Конечно же, у мужа была любовница!»

Когда женщину вытащили из воды, полицейский спросил строго, но не без сострадания:

— Почему вы решили покончить с собой?

— Я? Покончить с собой?! Кто это сказал? Я не сумасшедшая! — ответила спасенная, стряхивая воду с платья и поправляя прическу на глазах удивленной публики. Не дожидаясь других вопросов, она улыбнулась и, указывая пальцем на свое лицо, гуды, произнесла одним махом:

— Господа, дамы, посмотрите внимательнее на мое лицо. Я бросилась в воду, я плавала. Течение реки быстрое. Однако, как вы видите, краска на лице и губная помада несколько не пострадали. Я покупаю краску и помаду американского производства. Вот это марка! А что касается платья, то достаточно слегка отжать его, и оно станет совершенно сухим. Оно сделано из ворсистого нейлона высшего качества, который продается в магазине Д. Б. на улице X.

Затем она спокойно идет к лежащему на берегу мотороллеру американской марки «Веспа», садится и уезжает.

Сзади раздаются восклицания:

— Вот типичная американская реклама!

— Каково! Не надо было вытаскивать из воды эту шлюху!

В этом репортаже изложена печальная действительность. Она лишний раз подтверждает истинное положение вещей в Южном Вьетнаме, стонущем под властью американско-вьетнамской клики.